Виктор АРНАУТОВ

ПО КУРОРТНОМУ ВЬЕТНАМУ

(Из дневниковых заметок кемеровского туриста)

Авиаполёт ничем особенным не поразил. Смотреть в иллюминаторы было бесполезно: за ними – сплошная ночная темень. Разве что уже на подлёте наблюдали восход солнца. Вот чем никогда не надоедает любоваться! Какое буйство красок! Все цвета радуги, плавно переходящие от одного к другому – от самого горизонта и к космической дали. Сколько раз за свои многолетние ночные рыбацкие бдения приходилось мне наблюдать восходы и закаты – с земли или с поверхности воды. Но эти, с десятикилометровой высоты, не идут ни в какие сравнения! Нет слов, чтобы передать всю красоту!

В 7:25 утра (местное время то же, что и у нас, в Кемерове) наш «боинг» коснулся посадочной полосы на вьетнамской земле. Из иллюминаторов бросался в глаза непривычно белый песчаный грунт, похожий на сибирский снег, из которого пробивалась редкая зелёная растительность. Всё небо было затянуто тучами. И температура воздуха – плюс двадцать пять.

Аэропорт Камрань встретил прибывших из России туристов без излишних восторгов. Оживлённо щебечущие между собой служащие, в форме и погонах с полосками и звёздочками на них, подолгу не задерживали нас возле пропускных будочек, безразлично ставя штампы в паспортах.

Прождав минут пятнадцать и взяв багаж с вращающегося закольцованного транспортёра, толпой стали продвигаться к пропускнику, где просвечивались чемоданы на предмет выявления недозволенного. Сначала, как и положено, каждый пассажир поочерёдно ставил багаж на транспортёр и получал его на другой стороне. Образовался изрядный затор. Тогда один из служащих стал энергично помогать, беря чемоданы, баулы, сумки и наваливая кучей на транспортёр. А сидящий за монитором, флегматично позёвывая, даже не следил за тем, что там, в наших чемоданах. Провози хоть бомбу, хоть миномёт... Зато быстро!

Камрань – некогда уездный городок провинции Кханьхоа, расположенный на побережье глубоководной бухты Южно-Китайского моря. Во время войны он стал тыловой военной базой США. В ходе боёв база 3 апреля 1975 года была захвачена северо-вьетнамской армией. Согласно договору, с 1979 по 2002 год здесь находилась крупнейшая советская (российская) военная база, где несли боевые дежурства надводные корабли нашего ВМФ.

Покинув здание аэровокзала, мы тут же почувствовали на себе влажное дыхание тропиков с ароматами цветущих деревьев и кустарников.

По ходу движения автобуса бросались в глаза аншлаги с названием города куда мы ехали, порой прямо на скалах: «NHA TRANG» (в нашей транскрипции – Нячанг. Он является центром вьетнамской провинции (области, а по нашим меркам – района) Кханьхоа.

Нячанг — курортный город, находящийся в 1 300 километрах от Ханоя и в 450 — от Хошимина. В нём проживают порядка полумиллиона вьетнамцев, которые в основном заняты рыболовством, рыбопереработкой, сельским хозяйством, торговлей, турсервисом и мелким бизнесом.
С левой стороны по ходу движения автобуса про-

плывали горы и распадки, покрытые джунглиевой зеленью. По правую сторону время от времени открывалась голубизна заливов Южно-Китайского моря, которое во Вьетнаме все называют Восточным.

Минут через сорок гид через узкий проулок подвёл нас к дверям отеля, над входом в который значилось: «LAVENDER Nha Trang Hotel», что в переводе на русский угадывалось как «Лаванда, отель Нячанга». Кстати, запахи лаванды мы почувствовали сразу же, войдя на ресепшен. Окно нашего номера выходило на поле старого аэродрома, за которым высились горы, покрытые дымкой.

Номер был невелик, всего квадратов девять, с одним широким окном, двуспальной кроватью, телевизором LG, шкафом для одежды, сейфом и мизерным холодильничком. На антресолях шкафа находился и кондиционер. Столик, всего один стул, две тумбочки по обеим сторонам кровати, с настольными лампами. Чайник-кипятильник, электрофен, четыре стакана – вот и весь интерьер. Да, на кровати поверх белоснежных простыней и пододеяльника лежали две бордовые подушечки и такого же цвета накидка для ног, с логотипом отеля.

мее цвета накидка для ног, с логотипом отеля. Море совсем рядом, в каких-то 250 шагах. Сняв шорты и майку, первым спешу к воде. Сначала бреду по песчаному дну, которое здесь резко углубляется, и уже метрах в десяти от берега ноги не чувствуют его. Плыву, покачиваясь на волнах. Чем

дальше от берега, тем чище и прозрачнее вода. Пробую на вкус, она густо солёная. Ни на побережье, ни на море не видно никакой плавающей и парящей над водой пернатой живности.

Купаемся поочерёдно с женой часа два с половиной. Ай, благодать! Подставляем появившимся

виной. Ай, благодать! Подставляем появившимся из-за туч лучам солнца свои бледные тела и лица. Часам к двум пополудни решили, что пора бы подумать и о желудках. Покидаем пляж. Минуем парковую зону. Переходим дорогу.

Лорога тут — нечто особенное Разлелённая бор-

вую зону. Переходим дорогу.

Дорога тут – нечто особенное. Разделённая бордюрной полосой, с правосторонним движением, она невероятно загружена движущимися и пронзительно сигналящими мотоциклами – байками. Бай-

тельно сигналящими мотоциклами – байками. Байки – самых разнообразных моделей, но в основном экономичные малолитражки. Дорожные правила здесь никто не соблюдает. Светофоров практически нет. Пешеходы, переходящие улицу, должны сами выбирать мизерные просветы между байкерами и шустро переходить на другую сторону, рискуя попасть под колёса. Правда, скорость движения мотоциклетного потока не превышает 40 километров. Улица, отделяющая отели от моря, называется

здесь TRAN PHU. Среди русских туристов её называют либо Приморским бульваром, либо на питерский манер – Первой линией. Тянется она вдоль побережья с юго-востока на северо-запад на несколько (полагаю, до десятка) километров. Дома располагаются вдоль неё только по одной, противоположной от моря стороне. Первые этажи жилых домов и отелей заняты бутичками, массажными салонами, парикмахерскими, магазинчиками, кафешками и ресторанами, валютообменниками, туристическими агентствами и пунктами продаж экскурсионных путёвок. Между дорогой и домами – узкий

мощёный тротуарчик метров до двух шириной. По

нему движется хаотичный поток пеших туристов,

обывателей-аборигенов, уличных передвижных

торговцев, предлагающих очки, сумки и кошельки,

пляжную одежду, сувениры и прочий туристический ширпотреб. Иногда на тротуар заезжают ничтоже

сумняшеся байкеры, оставляя на нём свои мотоци-

клы и перегораживая путь. Здесь же припарковыва-

ются трёхколёсные велорикши с флегматичными

ездовыми, зазывающими клиентов. В настоящее время вьетнамские деньги (донги) выпускаются исключительно в виде купюр, бумажных или на полимерной основе. Самая мелкая купюра – достоинством в тысячу донгов. Далее идут купюры в 2 тысячи, 5, 10, 20, 50, 100, 200 и 500 ты-

сяч донгов. На лицевой стороне непременно пор-

трет вождя вьетнамского народа Хо Ши Мина.

как правило, алкоголь и табачные изделия, чаи, кофе, молочные продукты, лапшу быстрого приготовления, соусы-приправы, сладости, чипсы... Часто к ним примыкают сувениры, ряды из шляп, бейсболок. Довольно много рядов и точек, где продают фрукты и овощи. Это, как правило, плоды манго, ананасы, мелкие бананчики, килограммовые связочки коричневых шариков лонганов, малиновых «ёжиков» рамбутана, картофелеподобных бежевых плодов саподиллы, зелено-чешуйчатых, размером с яблоко плодов анноны, розовых, с мягкими зелёными шипами плодов «сердце дракона», шероховато-овальных тёмно-зелёных джекфрутов; похожие на зелёное яблоко гуавы, апельсины и мандарины, тёмно-зелёные арбузы. Венчает эти ряды «король

фруктов» - желтовато-зелёный, пупырчатый, раз-

мером с футбольный мяч дуриан, попробовать ко-

торый отваживается далеко не каждый турист из-за

специфического вонючего запаха. И стоит всё это

примерно одинаково – 20–35 тысяч донгов за килограмм, или – 60–100 рублей нашими деньгами. Де-

шевле всего здесь арбузы - от 5 до 10 тысяч за ки-

сходить к морю и пройтись вдоль побережья. Выйдя на пляж, подался в сторону канатной дороги и

После обеда, оставив жену в номере, я решил

Обменяв стодолларовую купюру на 2 миллиона

250 тысяч донгов, направляемся в сторону нашего

отеля, забредая в бутички и прицениваясь к покуп-

кам. Многие магазинчики здесь с русскими лако-

ничными названиями: «Продукты». Нередко назва-

ния достойны иронии: «Мини-супермаркет» или

«Мини-гипермаркет». И вот такие «супер» и «гипер»

располагаются в каком-нибудь подвальчике разме-

ром с комнату обычной нашей городской квартиры.

Ассортимент товаров в них весьма однообразен и

скуден. Располагаются они на полках по периметру

магазинчика и один ряд - по центру. Продают в них,

причального пирса. Сначала брёл берегом, по правую сторону тянулись одноэтажные виллы пятизвёздочного отеля Ana Mandara с бассейнами, ухоженными двориками, цветущими кустарниками и деревьями. После вилл – просторное поле. Видимо, какой-то тренировочный или гоночный полигон с размеченными дорожками. Далее – пирс, к которому пристают прогулочные яхты и катера.

лограмм. Какие они сочные и сладкие!

На пирсе меня привлекли рыболовы, человек десять. Спиннинговыми удилищами-фидерами, сделав дальние забросы, они часто поддёргивали леску, подматывая её на катушки. В небольших лужицах возле каждого рыболова я обнаружил с деся-

похожих на подлещиков-недомерков. Скорее всего, ставридка. Обратно возвращался вдоль улицы, со стороны отелей. От перекрёстка вёл широкий тротуар с ла-

ток-полтора небольших, граммов по сто, рыбёшек,

вочками и под шатровыми беседками из цветущих плумерий и древовидных бугенвиллей. По левую руку высился сплошной длинный забор. Моё любопытство позволило рассмотреть, что за ним пустырь (переходящий в поле аэродрома), поросший странными деревьями - в каких-то кадках и прямоугольных бетонных ящиках. Позднее я выяснил, что это заготовки-бансаи, не дающие деревьям развиваться нормально и уродующие их стволы и ветви. К отелю подошёл уже в сумерках, когда стали загораться уличные фонари и люминисцентные лампы.

на каждый день. Ресторан на десятом этаже. Стол - шведский: бери, что душе угодно. И меню весьма разнообразное. Блюда из вьетнамской кухни, не очень острые, зато много всяких соусов и приправ. Из примечательного – национальный суп фо, в

его основе наваристый мясной бульон, который

наливают в глубокую чашу, добавляя лапшу, мясо,

прочего. Добавки бывают разными, в том числе

и рыбными.

Завтраки у нас по талончикам, которые выданы

Фаршированные блинчики-рулетики нэм ран. Начинка обычно мясная, а вот оболочка - тончайшая обжаренная рисовая корочка толщиной с бума-

гу. Махонькие, на один-два укуса, и очень вкусные. Из риса изготавливают ещё несколько блюд, но уже в виде прозрачно-белёсых желеобразных руле-

тиков, корзиночек. Из горячих блюд предлагалось

тушёное мясо (говядина, свинина или курица), на-

резки буженины, обжаренные кусочки бекона, колбаски и сосиски. Непременны варёные яйца (куриные или перепелиные), иногда фаршированные, омлет, глазунья.

На гарнир - обжаренный картофель, рис, лапша; какие-то жидкие блюда с овощами и соусами, рисовая каша на молоке. Из салатов – нечто похожее на наш оливье, под

майонезом; нарезки овощей: огурцов, помидоров, пекинской и обычной капусты, кольца лука; шинкованная морковь, свёкла, махонькие початочки кукурузы или обычная отварная кукуруза. Много разных соусов. На десерт – тарталетки (всегда свежайшие), нарезки из арбузов, «сердца дракона», гуавы, пациальное название (на русском языке) Парк Горького! Ну кто же из нас, живших ещё при Советах, не помнит, что большинство городских парков носили имя этого пролетарского «Буревестника»? В парке уникальный комплекс ресторанов, кафе, баров, площадок для развлечений и отдыха. Десятки интереснейших объектов прямо у лазурно-

пайи, рамбутанчики. Непременно соки (ананасовый,

даешь в полосу шириной метров 70. Тянется она

между бульваром и морем километра на полтора.

Это – Национальный парк, получивший второе офи-

арбузный, апельсиновый, манговый), чай, кофе... Перейдя приморский бульвар TRAN PHU, попа-

го моря. Здесь расположены большие, чистые открытые бесплатные бассейны, детские площадки с различными аттракционами, колесо обозрения, множество уютных сквериков, массажные салоны и даже бесплатный пляжный кинотеатр. Очень много скамеечек и беседок, фонтанчиков, ухоженных дорожек и аллеек, газонов с красиво подстриженными хвойными деревьями и цветущи-

ми кустарниками; скульптурные и декоративные из-

ваяния из камней, дерева, бетона. Центром Нячанга считается большая площадь. Возле неё прямо на берегу стоит Лотос - уникальное сооружение, выполненное из розового камня в

рубленые яйца, кусочки лайма, перца, овощей и 152 виде нераспустившегося бутона, высотой метров 15. На площади проходят различные массовые и праздничные мероприятия. В здании Лотоса расположились музей-галерея и библиотека. Напротив, через дорогу, ещё одна примечательность здание Дворца культуры, с семью колоннами и фигурами муз. Слева от него – ночной рынок, справа – кукольный театр на воде.

> Земля во Вьетнаме дорогая, особенно вдоль дороги. Её покупают не площадью, а погонными метрами (вдоль улицы). Строятся узкие, продолговатые дома три-пять метров шириной и до двадцати метров длиной, уходящие вглубь от улицы, в тричетыре этажа. Верхние этажи – жилые, с балкончи-

ками и лоджиями; нижний занят под домашний бизнес: магазинчик, кафе, массажный салон, прачечную, мастерскую. Мы побывали на экскурсии в комплексе «Морин-

га». Здесь находится серпентарий. Уже на входе – несколько закрытых вольеров со змеями, полозами, варанами. Во Вьетнаме водится порядка 250 видов змей, 41 вид полозов и питонов. Кстати,

на гербе Нячанга изображён питон. В змеином шоу, длившемся минут пятнадцать, ничего нового мы не увидели, подобное уже смотрели в Таиланде и на Хайнане. Тем не менее трюки с ядовитыми змеями и питонами просто завораживали и захватывали дух. Мастер-факир из Таиланда, как объявил упитанный русский «шпрехшталмейстер», – потомственный, в восьмом поколении, заклинатель змей. На вид ему лет двадцать пять. Реакция у него просто мгновенная, гораздо быстрее, чем у всех этих гадов. Мало того, что он таскал их за хвосты, подносил ко рту и целовал, одну змеюку даже полностью запустил себе в шаровары!

Чамские башни По Нагар – целый храмовый комплекс индуизма. Они – свидетели почти полуторатысячелетней истории народов, проживавших на этой территории. Это место считалась священным у аборигенов ещё со ІІ века до нашей эры. А до прихода сюда племён вьетов тут проживал народ чамов (чампов, тямов), князья которого вели свой род от героев индуистского эпоса «Махабхараты».

Центральная храмовая башня комплекса была построена из красного кирпича ещё в VII веке на территории тогдашнего тямского княжества Каутхара. Посвящена она небесной покровительнице страны и легендарной основательнице народа чамов По Нагар. Иногда её называют здесь ещё и Мать королевства. Её имя носит и весь храмовый комплекс, построенный в трёх уровнях, соединённых длинными и широкими каменными лестницами. 153

На втором уровне – обширной каменной площадке под открытым небом, с десятью кирпичными круглыми колоннами (внешне похожими на шахматные ладьи), находится «зал медитаций», где и сегодня проходят религиозные церемонии.

Третий уровень представлен четырьмя башнями. Центральная посвящена самой По Нагар, высотой в 23 метра, построена с пирамидальной крышей и многими рельефными уступами-пилястрами, с фигурками индуистских божков. Она была разрушена воинствующими малайцами и восстановлена позднее с использованием как старых, так и новых кирпичей, изготовленных по древним технологиям.

Что касается богини По Нагар, то она почитается и у современных вьетнамцев, исповедующих преимущественно буддизм. Её именем названы многие объекты города Нячанг, в том числе и центральный ресторан Парка Горького.

Со смотровой площадки комплекса открывались великолепные виды на город Нячанг и устье реки Кай – с множеством рыбацких лодок и шхун, обжитыми островами, разветвлёнными дельтовыми протоками и двумя мостами... Название реки переводится как «мать-река» или «тростниковая река».

Лонг Шон переводится как «медленно спускающийся дракон». Образ дракона, мифологически положившего начало племенам вьетов и ко-хо, присутствует во многих легендах вьетнамского эпоса.

У храма Лонг Шон своя история. Построенный монахом Нго Чи к 1886 году на самой вершине горы, храм не раз разрушался тайфунами. И был практически разрушен в 1900 году. Тогда часть построек решили перенести на новое место. И весь этот комплекс в настоящее время тоже имеет несколько уровней.

Вершит весь этот храмовый комплекс-пагоду 18-метровая скульптура белоснежного Будды (Ким Тхан Фат То), сидящего в позе лотоса. На фоне голубого неба она очень напоминает «Биг Будду» на тайском острове Пхукет. От подножия храма до площадки с Белым Буддой насчитывают 193 ступени!

Большой интерес не только у нас с женой, но и у других туристов, вызвало посещение чайно-кофейного центра. Нужно сказать, что чай и особенно кофе во Вьетнаме – особая статья дохода во всём бюджете. По производству сырья для кофе, а также готовой продукции из зёрен местного кофе нынешний Вьетнам занимает второе место в мире! Такие сорта, как «Робуста», «Кули» и особенно «Лювак», составят вполне серьёзную конкуренцию раскрученным в мире брендам.

Кофе – это своеобразное лицо Вьетнама. Сорт «Лювак» считается самым лучшим и дорогим в мире! Это сорт, полученный исключительно как фекальный продукт жизнедеятельности зверьков размером с кошку и называемых по-разному: куничка, мустаг, лювак.

Они для еды выбирают с кофейных кустарников самые спелые ягоды. В ходе переваривания в пищевом тракте под воздействием цибетина оболочка зёрен уничтожается, а сами твёрдые зёрна приобретают особый вкус и аромат. Разумеется, их

подвергают тщательной промывке и обработке. На специальных фермах содержится большое количество этих зверушек, а отбор фекальных кофейных зёрен осуществляется вручную. Цена сорта «Лювак» на мировом рынке достигает нескольких тысяч долларов за килограмм!

Между экскурсиями мы купаемся в море. Несколько слов следует сказать о пляжных торговцах. Их здесь не так много, как, допустим, в Таиланде. Поскуднее и предлагаемый ассортимент. И не такие они здесь приставучие. Ходят по пляжу в основном женщины, полностью закрытые от солнца, даже на лицах и то тряпичные маски.

Предлагают жареные сладкие, тонкие, хрустящие рисовые лепёшки, похожие на наши блины. Торговцы фруктами и горячими блюдами из полуфабрикатов и морепродуктов, как правило, несут их на палке-коромысле. На каждом плече-рычаге коромысла килограммов по пятнадцать – двадцать ноши. Печёная рыба, кальмары, креветки, ракушки, мидии, лангусты – в никелированных (с глухими крышками) парящих кастрюлях-казанах или на решётках, под которыми жаровня с тлеющими углями. Жаровня – наподобие казана с круглым днищем, литров на восемь – десять.

Несколько раз наблюдал, как один молодой вьетнамец носил на голове огромный поднос с горой свежей выпечки. Ну, и ещё одна категория: торгаши-офени, предлагающие обычные и солнцезащитные очки, прозрачные парео и белые просторные рубахи из хлопка, шляпы, кошельки и сумки из натуральной кожи, а чаще из кожзаменителей, но под кожу крокодила или змеи, а то и электрического

Пройдя с километр, по левой стороне проспекта мы обнаружили убегающую вверх готическую башню с круглыми часами и католическим крестом на са-

мом верху. Зашли. Просторный продолговатый зал с не очень-то богатым убранством, ряды тёмно-коричневых сидений-лавок для прихожан. Впереди возвышение, похожее на сцену сельского клуба, где на заднем плане рельефное католическое распятие. Алтарь, над которым вверху витражные аркообразные окна с мозаичными сценами из жизни святого семейства. Как бы на подиуме, перед алтарём, по бокам, на полутораметровых лакированных подставках – изображения Богоматери и Отца с Сыном в натуральную величину. Неподалёку кафедральная трибунка с микрофоном, увитая цветами. Подле неё большой красивый вентилятор, а на стене – плоский, метра на два, экран телевизора. Вот они – новые веяния, коснувшиеся и канонов церковного убранства. Католический храм Пресвятой Левы Марии –

Католический храм Пресвятой Девы Марии – молчаливое свидетельство миссионерской деятельности французских и португальских католиков, уходящее в XIX век, когда Вьетнам являлся колонией этих стран. Согласно статистике, во Вьетнаме проживает от 5 до 7 процентов католиков.

Этот кафедральный собор – бесспорно, одна из достопримечательностей Нячанга. Размеры и величие его не идут ни в какое сравнение с миловидной современной церковкой. И если в той начинаешь испытывать чувство какого-то просветлённого умиления, то собор уже одним своим видом подавляет твоё людское начало, возвеличивая божественное...

Основное строение (под псевдоготику) выглядит как большой параллелепипед с боковыми аркообразными галереями. Общая площадь собора составляет порядка 760 квадратных метров. Венчает храм прямоугольная башня-колокольня, самая верхняя точка которой (католический крест) находится на высоте 38 метров от подножия. Вместимость собора – до 600 человек.

От Нячанга до Далата порядка 140 километров. От места нашего сбора автобус отъезжает в начале восьмого утра. Минут двадцать мы петляем по городу. Далее дорога повела через долину, где встречаются не очень частые деревушки с простенькими домами и бедными хижинами. По обеим сторонам от дороги до самых подножий гор простираются поля с квадратами орошаемых рисовых плантаций, на которых копошатся люди и сидят или вышагивают совершенно белые цапли.

Ближе к горам трасса становится всё более извилистой, повторяя изгибы русла небольшой порожистой реки. Делаем остановку чтобы перекусить в премилом придорожном кафе с приятной музыкой (в том числе и с русскими песнями), хорошей кух-

ный Далат. Горный город, который своим появлением обязан Александру Йерсену. Это, пожалуй, самый известный и почитаемый во Вьетнаме иностранец. Человек-легенда! Родившись в Швейцарии в 1863 году, он получил отличное образование. Окончил медицинский факультет Лозаннского университета и начал заниматься наукой под руководством знаменитого Луи Пастера - основоположника микробиологии и иммунологии. И уже тогда, в молодые годы, во Франции Александр Йерсен становится довольно известным учёным-бактериологом. Совместно с Эмилем Ру он делает открытия, получив дифтеритный токсин и выявив возбудителей бубонной чумы. Немного позднее открывает бактерии, которые называют его именем – иерсиниями. 155 Среди них - псевдотуберкулёзные бактерии и кишечные иерсинии. В 1891 году учёный отправляется во французскую колонию Вьетнам. Здесь он много путешествует, изучает природу, растительный и животный

мир, ведёт наблюдения и делает научные обобще-

ния. Более всего ему приглянулась провинция

Кхань Хоа. Однако он не очень хорошо переносит

здешний зной и влажность, более комфортно чув-

ствуя себя в горах. Местом обитания Йерсен вы-

брал высокогорный Далат, где протекала река Да и

ней, просторным залом, чистыми туалетами и очень

ухоженным двориком с подковообразным пруди-

ком, в котором плавают китайские разноцветные

карпы и через который перекинут арочный мосток с

перильцами. Во дворике несколько декоративных изваяний – косули, фигурки женщин, абстрактные

композиции из причудливых деревьев, огромных

отполированных корней. Всё это перемежается с растущими тропическими деревьями. Выделяются

своим нежно-розовым видом две обильно цвету-

Покинув это уютное местечко, двигаемся в Гор-

щие японские сакуры.

проживала малая народность латы племени ко-хо. Учёный дал рекомендации правительству и местным властям: установить на крупных холмах специальные станции по контролю за заболеваниями. Изучая малярию, он культивирует здесь привозное хинное дерево. Завозит в страну бразильские каучуковые деревья – гевеи, из сока которых стали получать натуральный каучук, а позднее научились изготавливать и латекс.

Благодаря вакцинам Александра Йерсена против тропических заболеваний крупного рогатого скота во Вьетнаме стало развиваться молочное животноводство.

городом богемной элиты. Далат называют маленьким Парижем. Французы привносили в Далат свой образ жизни, даже и во внешний облик городка они пытались перенести виды Парижа, например, уменьшенное подобие Эйфелевой башни. Вместо реки Сены здесь создано искусственное озеро с проточной водой. В Далате живут художники, музыканты, писатели. Одна из улиц названа в честь популярного во Вьетнаме композитора, на всём её протяжении через каждые пятьдесят - сто метров на семиметровой высоте, словно транспаранты - поперечные проволочные нотоносцы с нотами из его произведений. Здесь очень много различных клубов, концертных и выставочных залов, дорогих ресторанов и отелей.

Далат - «город тысячи сосен», потому что в нём

целые сосновые боры! Первые сосны завезли сюда

французы. Они прекрасно акклиматизировались и

прижились, сначала как искусственные насаждения

на холмах, в парках и скверах, а потом их семена ста-

ли разносить птицы и зверушки. И сосны начали ра-

сти самосевом, повсюду вытесняя местные деревья.

мягким климатом как никакое другое подошло для

селекционирования самых различных сортов орхи-

дей, гладиолусов, роз, шарообразных голубых гор-

тензий (размером с футбольный мяч). Здесь есть

Далат – город цветов! Это высокогорное место с

Основанный по инициативе Йерсена в 1893 году,

Далат стал быстро застраиваться. В его архитекту-

ре преобладал европейский стиль конца XIX – нача-

ла XX веков. Он раскинулся на высокогорном плато, находящемся на полуторакилометровой высоте над

уровнем моря. В нём нет высоких строений. В ос-

новном это дома-виллы и коттеджи с красно-коричневыми черепичными крышами – от просторных

одноэтажных и до трёх-четырёхуровневых. Макси-

мум - пять этажей. В настоящее время в Далате

проживают около 250 тысяч жителей. Он считается

уникальный парк цветов. Вдоль улиц Далата множество цветников, древовидных пурпурных китайских пионов и разноцветных бугенвиллей. Нередки и аккуратно подстриженные и формованные тёмно-зелёные кипарисники. Миллионы цветов выращиваются на экспорт во множестве пригородных теплиц. Далат – город влюблённых. Сюда едут паломниками молодожёны и те, кто ещё только собирается создать семью. Относительно брака Вьетнам со-

вершенно противоположен Франции. Семья здесь считается незыблемой основой. По статистике, во Вьетнаме всего 3 процента разводов на сто заключенных браков.

И наконец, Далат – вьетнамский Питер. Девять месяцев в году здесь неустойчивая, как в городе на Неве, пасмурная погода, с дождями, моросью и туманами. Средняя температура воздуха порядка 18–20 градусов. Но это и позволяет выращивать овощи, которые плохо растут в долинах Центрального и Южного Вьетнама. Овощи и ягоды выращивают в открытом грунте, но чаще в теплицах, коих в округе Далата просто огромное множество.

Извилистая дорога всё чаще прижимается к скалам. Разогнаться по ней из-за частых поворотов просто невозможно. Но и при скорости в сорок – пятьдесят километров нас кидало на виражах то в одну, то в другую сторону. Вцепившись в поручни, про себя мы уже не раз вспоминали Всевышнего.

Чем выше поднимаемся в горы, тем реже попадаются деревушки и одинокие хижины, прилепившиеся на какой-нибудь площадочке или у ручья. И тем беднее они выглядят. Иные домишки и вовсе смахивали на наши деревенские стайки и курятники.

То тут, то там с голых каменистых скал сбегали водопадики пенными струйками или тонкими, словно лист бумаги, прозрачными лавинками.

Горы и распадки становились всё величественнее, а виды на них – зачаровывающими. От небывалого восторга и одновременно какого-то животного страха перехватывало дух!

Иногда наш автобус нырял в полосу тумана, в котором видимость не превышала и десяти шагов. И тогда распадочная бездна полностью окутывалась молочно-туманной пеленой.

Подъём на перевал по серпантинной дороге занял не менее часа. Водитель проявлял мастерство виртуоза, ни разу не допустив осечки, особенно при встречном движении машин. Забегая немного вперёд, отмечу, что наш обратный путь проходил в вечернее и ночное время, к тому же едва ли не при сплошной туманности. Было ещё экстремальнее, да всё время под горку, под горку. Чуть успокаивало одно: в сплошной мгле из окон не видишь бездны ущелий.

Дважды мы делали десятиминутные остановки. Около ущелья с водопадом: сфотографировать себя на этом фоне и глянуть с высоты вниз. И возле семейного селения, с полудюжиной хижин. Этот семейный кооператив возделывал в высокогорье участки кофейной плантации. Мы посмотрели, как на невысоких кустарниках (или молодых деревцах) растут ещё зелёные ягоды кофе.

И лишь спустя час, на самом перевале, дорога стала выравниваться, и мы смогли вздохнуть с облегчением. В одном месте маячили два – три подо-

бия жилища, шалаши на бамбуковом каркасе, крытые поседевшими пальмовыми листьями, – напоминание о том, как ещё недавно жили аборигены народа ко-хо.

Чем ближе к городу, тем больше одноэтажных строений, похожих на дома в наших вымирающих деревнях. А по обе стороны от дороги разбегались несчётные голубоватые теплицы. Они лепились повсюду: на косогорах, в лощинках, рядом с домишками.

Всё чаще попадались мохнатые сосны. Правда, наши выглядят постройнее и повыше. Здесь они более сучковатые, раскидистые. Сосны росли на ярко-рыжей почве – краснозёме, который обнажался и особенно бросался в глаза где-нибудь у разрытого карьерчика, обрыва или на приусадебном огородике. Он напоминает нашу глину, но удивляет небывалым плодородием.

Иногда по косогорам виднелись кладбища с разноцветными памятниками. Как пояснил гид, цвет зависит от года смерти усопшего по восточному календарю.

Покружив по утопающим в цветах улочкам Далата, мы подъезжаем к канатной дороге. Покинув автобус, сразу ощущаем прохладу и начинаем сожалеть, что не вняли советам рекламных проспектов и не прихватили с собой тёплые вещи.

Поднимаемся по лесенкам на холм, где начальная станция канатки и отличная смотровая площадка. С неё хорошо просматривается панорама города с его домами под красно-коричневыми черепичными крышами.

Рыжие обнажения зелёных холмов, дома с белыми стенами и далее, до горизонта – несколько ярусов синих гор в дымке-мареве. А над горизонтом простирается голубизна неба, запятнанная белыми облаками.

Канатная дорога в Далате, как и в Нячанге, тоже достопримечательность города. Но если в Нячанге

поскромнее. Её длина на километр меньше. Проходит она через вершину холма и спускается на другую окраину города. Не знаю, выполняет ли она ещё какую-либо функцию, кроме обзорной, но нас, туристов, впечатляет изрядно.

Минут через пять – семь езды мы оказываемся у ворот-подножия дзен-буддистской пагоды-храма Чук Лам.

Как и повсюду, выглядят буддистские монахи одинаково: наголо бритые головы, босые, в оран-

канатка длиной в три с половиной километра идёт

через морской пролив к острову с развлекательным

комплексом VIN PEARL, то канатная дорога в Далате

Как и повсюду, выглядят буддистские монахи одинаково: наголо бритые головы, босые, в оранжевых одеяниях, с обнажёнными правыми плечами и руками. Есть здесь и центральный храм, и колокольня, и прочие вспомогательные строения. Повсюду изваяния Будды, внутри и снаружи. Да и венчают главный храм обычно статуи сидящего в позе лотоса белого или золотого Будды. Купол одного из строений храма чем-то напоминает главный купол нашего Знаменского собора, но совершенно гладкий и однотонно-золотой. А сверху вместо православного креста устремляется к небу конический

шпиль.

нию Будде, специализируются на каком-то виде дея- 757 тельности. В пагоде Чук Лам они выращивают для себя и на продажу цветы. Потому-то все свободные места территории храмового комплекса заняты под газоны, цветники и клумбы. Много здесь и аккуратно подстриженных хвойных японских кипарисов (хиноки), создающих уют и дающих тень в релаксационных сквериках и беседках с фонтанчиками. Пожалуй, самое сильное впечатление от всей

В большинстве буддистских монастырей монахи,

кроме основных своих занятий, посвящённых служе-

Пожалуй, самое сильное впечатление от всей поездки в Далат оставило посещение так называемого Крейзи-хауса, или Сумасшедшего дома мадам Нга.

У будущего преемника партийного лидера Ле Зуана Чыонг Тинь (на посту генсекретаря компартии Вьетнама он находился с 1981 по 1987 год) в середине 1940-х годов родилась дочь. Она училась в Советском Союзе, в Московском архитектурно-строительном институте. После окончания МАРХИ с красным дипломом окончила ещё и аспирантуру и защитила

кандидатскую диссертацию. Наташа, как её называли в Москве, прожила в России почти 14 лет.

Вернувшись домой, в разрушенный затяжной войной Вьетнам, она занялась проектированием зданий в стиле «коробкового» социализма. Такая работа была её творческой личности явно не по

жает во Францию. Сильное впечатление на неё производят полотна Сальвадора Дали и Пабло Пикассо, книги экзистенциалистов Сартра, Камю, Кафки, фэнтези Толкиена. Вернувшись из Парижа в 1983 году во Вьетнам (когда у власти стоял уже её отец), под влиянием

душе. Хотелось чего-то оригинального. И она уез-

авангарда она вынашивает идею создания чего-то совершенно необычного. Но вместо этого (опять нет средств) ей предлагают всё те же стандартные проекты.

В конце восьмидесятых годов она переезжает в Далат, где сначала занимается проектированием и

строительством детского Дворца культуры, а затем – католической церкви.

Поднакопив денег, Нга на свои средства в 1990 году приступает к строительству Лунной виллы. По её замыслу, она должна была являть собой

ром хоббитов Толкиена – вот её первооснова. Сооружение должно было напоминать волшебное дерево – с корнями, деформированным стволом и ветвями. По мере строительства Нга, словно в фантасмагорическом сне, приходили в голову всё новые и новые идеи. Пещеры и гигантские паутины. Гипертрофированные образы – дракона, нимфы, обнажённой фигуры, рогатой головы (как у Пикассо) буйвола... Вполне естественной реакцией посе-

тителей Лунной виллы стало недоумение. Что это?

Для чего? На что тратятся деньги? Да это же просто сумасшедший дом! Так и появилось прозвище –

трёхмерное воплощение авангарда. Причудливое

искривлённое пространство Дали с пещерным ми-

«Крейзи-хаус» (сумасшедший дом).

Соединение всех следующих пристроек в единое осуществлялось с помощью переходов: горбатых и узких мостков, спусков, лесенок, лазов, пещерок, верандочек и балкончиков. И со временем крейзи-хаус превратился в своеобразный лабиринт, напоминающий термитник

напоминающий термитник.

Когда денег на продолжение этой бесконечной стройки перестало хватать, мадам Хан Нга решила приспособить помещения под отель, который стал поистине местом паломничества всех гостей, приезжающих в Далат. А некоторые и во Вьетнам приезжают исключительно ради того, чтобы посетить отель мадам Нга.

Сколько в нём находится хоббитовских норок – даже не поддаётся подсчёту. К тому же строительство дома до сих пор так и не завершено

даже не поддаётся подсчёту. К тому же строительство дома до сих пор так и не завершено.

Ещё в самом начале нашего пребывания в Нячанге как-то случайно мы забрели на углу проспекта

в здание, в котором расположены шёлковые ма-

стерские и галерея фирмы XQ. На входе в галерею мы увидели несколько вышивальщиц, сидящих за столиками. По намеченным контурам они шёлковыми нитками обычными швейными иглами, стежок за стежком, создают настоящие живописные полотна. Основная техника вышивки – гладь. Но есть и мельчайшие узелковые, выпуклые работы.

Я припоминаю, как в далёком детстве наша мама в зимние вечера вышивала нитками мулине по сатиновой или штапельной основе, натянутой на круглые пяльцы, разные простенькие картинки – цветы, птичек, петушков. То, что мы увидели здесь, не идёт ни в какое сравнение с вышивкой из моего детства. Это истинные шедевры вышивального искусства. Полотна – от размеров машинописного листа до картин во всю стену. И сколько же времени уходит у мастериц на то, чтобы создать такое чудо? Не день и не месяц. Разумеется, и стоимость ручной работы многим не по карману. Но ведь покупают же!

Чем ещё любопытны вышивки, так это тем, что ни на лицевой, ни на изнаночной стороне не найти ни одного узелка или кончика нитки. И куда они прячутся, для нас осталось загадкой, расспросить об этом вышивальщиц, не понимающих по-русски, не получилось.

В просторных залах на двух этажах выставлены сотни работ, каждая на раме, с указанием автора и стоимости в донгах и долларах. На них самые разнообразные темы и сюжеты. Мифологические и религиозные, Будда и жизнь святых. История и быт простого вьетнамского народа. Животный и растительный мир. Очень много натюрмортов. А какие портреты и портретные композиции! Просто не верится, что с помощью нитки и обычной иголки можно передать поразительное сходство с оригиналом. Передаются десятки, сотни полутонов и оттенков. Иногда композиции создают иллюзию трёхмерности. Часа полтора мы потратили на любование этими полотнами, получая истинное наслаждение.

После трёхдневной полуштормовой погоды с тучами, затягивающими всё небо, нам повезло. Ветер утихомирился, на море стало поспокойнее. Всё чаще выглядывало солнышко.

Последний день подарил нам ещё одну возможность покупаться и позагорать. Собирая свои вещи, мы вдруг обнаружили в сейфе среди документов и бумаг неучтённые 500 тысяч донгов, которые следовало непременно потратить, поскольку в ближайшее время вряд ли они бы нам уже понадобились.

г. Кемерово

